

Фронтовые записи артиста

Мы на передовых позициях у зенитчиков; сценической площадкой служат небольшие клочки земли, устланные фанерными листами. Площадка тщательно замаскирована. Выступают эстрадные ополченец Н. М. Пливер.

Зона артиллерийского обстрела. На пути встречаются сожженные деревни—следы временного хозяйничанья гитлеровских варваров. Дорого заплатили бандиты за свои злодеяния: дорога усыяна могилами немецких солдат и офицеров. Под грохот артиллерийской канонады идет концерт. Проливной дождь не мешает успеху. Бурю аплодисментов вызывает монолог и в особенности пророческие слова профессора Мамлока в исполнении дважды орденоносца засл. артиста республики С. В. Межниского, обращенные к фашистским головорезам: «Стреляйте, стреляйте, убивайте женщин, стариков, детей. Вас этому хорошо научили. Вам за это хорошо заплатят, но вы ни у кого не отнимете право на труд, на жизнь, на мысли, ни у кого! Вы останетесь в памяти у потомства как жуткий страшный сон. Травите ученых, гоните их, сжигайте книги гениев, все равно вы обречены».

Советский артист произносит эти слова, стоя на грузовике у передовых позиций фронта, обращаясь в ту сторону, где притаились непосредственные физические убийцы профессора Мамлока и сотни тысяч других ни в чем неповинных людей.

Приехали в деревню Б. Позади осталась переправа, простреливаемая немцами. Дали три концерта. Завязалась оживленная беседа с бойцами, вернувшимися из вражеского тыла. 19 дней небольшой отряд бесстрашных воинов громил вражеские тылы, взрывал мосты, переправы, укреп-

ленные участки и истреблял живую силу врага. Нам показали трофей: автоматы, гранаты, пистолеты, железные офицерские кресты и многое другое.

Направляемся в часть, которая находится в 800 метрах от противника. Нас сопровождает танкетка. Дорога просматривается и простреливается врагом. Мчимся на предельной скорости, вокруг много воронок. Проскочили опасный участок. Площадка оборудована воле блиндажей. Командир предупреждает: «В случае огневого налета немедленно уйти в блиндажи». Только 2 километра отделяют нас от вражеских окопов. Командование части принимает все меры предосторожности, чтобы оградить нас от возможных неприятностей. Вокруг амбара, где проходит концерт, выставлены часовые. Счетчик артистов Бонд, Нурм, Межниского и выступления Мирона Раскатова и Р. Сивановской (гавайская гитара и аккордеон) проходят с большим успехом. По окончании концерта комиссар части т. Л. произносит возволнованную речь.

Безлюдная, покрытая мелкими кустарничком, возвышенность. Машинки остановились, и мы удивленно оглядываемся по сторонам. «Что случилось?» — спрашивают артисты. Оказывается, мы находимся в центре расположения танковой группы командира Д. Как будто из-под земли появляются наши гостеприимные хозяева—бойцы и командиры танковой группы.

Зенитчики не могут отойти от своих батарей, и мы устраиваем концерт воле них. Сценой служит узенькая проезжая дорога. Лиза Редель и М. Хрусталева танцуют «Акробатический вальс».

Мы в части генерал-майора Доватора. О его рейде по тылам противника мы не раз читали в газетах. Сейчас бойцы слушают концерт, хохочут, крепко аплодируют, требуют повторения. А ночью они опять будут встывать врага врасплох, будут рубить его острыми клинками, отбивая охоту грабить, убивать женщин, стариков, детей, жечь мирные села. Днем после концерта на лужайке организовали танцы, пляшут все казаки, колхозницы, артисты. Веселье, смех, любимые казачьи песни, а затем митинг. Руководитель нашей бригады С. А. Пищик благодарит бойцов от нашего имени за теплый прием.

Мы выступали у зенитных батарей, у артиллерийских орудий в пехотных частях, у казаков, у танкистов, в госпиталях. Раз'езжали на грузовиках, подводах, тачанках. Спали в палатках, блиндажах, сараях, в деревенских хатах. Все работали с огромным воодушевлением. Мы привыкли к близким разрывам снарядов и жужжанию вражеских самолетов над головой. Мы обрели много, много замечательных друзей. В каких бы условиях мы ни выступали, при какой бы обстановке ни шел концерт, нами всегда владело одно чувство — желание дать бойцам как можно больше радости. Мы гордимся нашей дружбой с бойцами, командирами и политработниками Красной армии.

Как-то после ужина в палатке мы улеглись спать. Рядом с нами, здесь же на земле, вплотную придвинувшись друг к другу, легли и наши слушатели. Здесь, совсем близко от злейшего врага, советские артисты спали рядом со своими друзьями — бойцами, командирами и политработниками, спали, согревая друг

друга своим теплом. Незабываемо чувство братства, которое объединяло в этот момент артистов и бойцов.

Заключительный концерт состоялся в большой просторной палатке, где приустроено много бойцов, командиров и политработников. Мы стоя слушаем приказ командования. За короткий срок пребывания в частях бригада дала около 70 концертов, проводя свою работу в тяжелых и суровых условиях фронта. На отсутствие сколько-нибудь удобных концертных площадок, ни обстрел со стороны вражеских самолетов, артиллерии и минометов, ни непогода—ничто не мешало самоотверженной работе артистов, не снижало высокого художественного уровня их выступлений. Сосредоточенные лица слушающих. Торжественная и волнующая минута для каждого из нас.

Н. М. Пливеру 61 год. Всегда веселый, он легко и остроумно вел программу. Я смотрю на Николая Митвеевича — он взволнован. По его лицу текут слезы. Да, дорогой товарищ, у каждого из актеров всегда найдется много хороших рецензий, пожелтевших от времени. Как они когда-то радовали. Но сегодня мы с вами услышали самый значительный, самый драгоценный отзыв за всю нашу актерскую жизнь. На мою долю выпала большая честь—обслуживать части Красной армии на Урале, на Западном фронте, в госпиталях и т. д. Мною спето 268 концертов, я готов и впредь продолжать свою работу с еще большей энергией для доблестной Красной армии — защитницы священной родины, для скорейшего уничтожения презренных варваров культуры, искусства, врагов человечества.

П. ЛИСИЦАН.
Заслуженный артист Армянской ССР.